

Преодолев неловкость с поцелуем в щеку, Цзи Чэн провел утренние съемки как по маслу — Юй Цзыцзюнь больше на него не орал.

Лу Цзюньсянь всё это время просидел неподалеку на складном табурете, поглаживая Маомао и наблюдая за процессом. Он планировал перекусить прямо здесь, на площадке, а после полудня вернуться в отель и продолжить работу над сценарием.

Когда объявили обеденный перерыв, Цзи Чэн сходил за едой и принес три порционных ланч-бокса: один для Лу Цзюньсяня и два для себя.

Почти все дубли во второй половине утра сняли с первого раза, так что в душе парня гордо полыхал небольшой огонек торжества. Перед Лу Цзюньсянем он теперь держался куда увереннее.

— Молодец, отлично справился! — похвалил его Цзюньсянь, привычным жестом погладив по голове.

Он прекрасно понимал, как парню важна поддержка: заслуженная похвала придавала тому неограниченный запас сил.

Когда они уселись, Лу Цзюньсянь не стал заводить разговор. В начале обеда Цзи Чэн всегда ел слишком уж ретиво, буквально сглатывая еду не жуя; продюсер опасался, что если отвлечет его болтовней, тот попросту подавится.

Цзюньсянь успел съесть едва ли пару ложек, когда Цзи Чэн уже опустошил первую коробку и распечатал вторую. Только теперь его темп стал более-менее человеческим.

Видя, что парень умерил пыл, Цзюньсянь заметил:

— Не стоит так заглатывать еду. Желудок себе испортишь.

Цзи Чэн кивнул:

— Проголодался... не сдержался.

— А что, позавтракал плохо?

Уши парня мгновенно вспыхнули:

— Плотно... Просто за время съемок опять аппетит разыгрался.

— Съёмки — тяжелый труд. Давай-ка я куплю тебе каких-нибудь снеков. Будешь перекусывать в паузах, чтобы к обеду не умирать от голода.

Услышав это, Цзи Чэн залился еще более густым румянцем. Он бросил на Лу Цзюньсяня быстрый взгляд; в груди разлилось теплое, трепетное чувство. У него уже много лет не было собственных лакомств — сам он всегда жалел на это деньги.

— Только вычтите из моей зарплаты, — не забыл добавить парень, кивнув.

Цзюньсянь тихо рассмеялся и понимающе наклонил голову.

В этот момент на тыльную сторону ладони Цзюньсяня упало несколько прохладных капель.

— Похоже, начинается кратковременный дождь. Пошли найдем какое-нибудь укрытие.

Подхватив коробочку с обедом и складной стульчик, Лу Цзюньсянь огляделся и направился к небольшому навесу. Цзи Чэн последовал за ним, держа в одной руке еду, а в другой стульчик. Маомао, которого никто не вел, привычно подхватил зубами собственный поводок и поплелся следом.

Это был режиссерский шатер. Войдя внутрь, они застали картину маслом: Юй Цзыцюнь вальяжно развалился в кресле-качалке, а рядом на табурете сидел Мэн Гэ. Одной рукой юноша держал термос, другой опирался о подлокотник кресла, и оба самозабвенно целовались по-французски.

Цзи Чэн, впервые в жизни увидевший поцелуй двух мужчин, мгновенно впал в ступор. Тем более что парочка увлеклась не на шутку: чмокание и влажные звуки разносились по шатру более чем отчетливо.

Лу Цзюньсянь ощутил неловкость и уже собирался увести парня, но, повернувшись, увидел, что тот залился краской до кончиков волос и замер истуканом.

«Бедный маленький гетеросексуал снова шокирован...» — сделал вывод Цзюньсянь.

Не успел он увлечь Цзи Чэна на улицу, чтобы успокоить его трепетную душу, как глубокий поцелуй завершился, и любовники заметили гостей.

Юй Цзыцюнь не ожидал, что в его собственном навесе кто-то застанет его врасплох. Смущенно взъерошив свои кудри, он нежно погладил Мэн Гэ по голове и выдавил неловкий смешок:

— Котеныш такой липучий... Извините-извините. Вы чего это зашли?

— На улице дождь пошел, — ответил Лу Цзюньсянь, понимая, что обстановка слишком пикантная, и намереваясь поискать другое местечко.

Однако Мэн Гэ спокойно произнес:

— Говорили, будет кратковременный ливень. Оставайтесь здесь, мы больше ничего такого делать не будем.

Режиссер поддакнул. Выходить наружу в такой момент было бы еще глупее.

Лу Цзюньсянь не стал упрямыться и установил свой табурет прямо у входа.

Цзи Чэн пришел в себя еще во время их разговора. Румянец с лица сошел, но уши все еще горели так, словно из них готов был брызнуть сок. Поставив табурет рядом со стулом Лу Цзюньсяня, он сел и подсознательно снова бросил взгляд в глубину шатра.

При посторонних парочка умерила пыл. Мэн Гэ, сидя у кресла-качалки, зачерпывал ложкой из термоса какой-то суп и кормил развалившегося, словно император, Юй Цзыцуня. Тот с блаженным видом мерно покачивался.

В воздухе разнесся густой, аппетитный аромат куриного бульона. Цзи Чэн догадался, что это, и вернулся к своей порции.

— Чего загляделся? Испугался? — тихо с улыбкой спросил Цзюньсянь, глядя на его пунцовые уши.

Помянув про себя, как продюсер вечно твердит, будто они «из разных миров», Цзи Чэн судорожно мотнул головой — не дай бог Лу Цзюньсянь подумает, будто он в шоке. На самом деле увиденное вовсе не вызвало у него отвращения; когда он раньше говорил, что относится к такому спокойно, это не было пустой вежливостью.

— Да я так... Режиссер Юй пьет куриный бульон, — выдумал он первую попавшуюся отговорку.

Лу Цзюньсянь вскинул бровь и оглянулся. Едва ли не в тот же миг парочка снова слилась в поцелуе, правда, на этот раз более сдержанном и бесшумном.

Почувствовав на себе взгляд, Цзыцунь неохотно оторвался от губ Мэн Гэ, снова выдавил неловкую ухмылку и хитро подмигнул Цзюньсяню.

Эта ехидная физиономия... Со стороны могло показаться, будто режиссер нарочно провоцирует бывшего. Но Цзюньсянь-то знал: Цзыцунь просто обожает острые ощущения. Поцеловаться украдкой, когда рядом люди, да еще так, чтобы не попасться — для него это чистейший

адреналин.

Он всегда был таким: гонялся за романтикой, страстью и встрясками. Именно поэтому Лу Цзюньсянь в свое время и не смог пустить с ним корни.

Хоть редкие вспышки страсти и придают жизни остроты, Цзюньсянь предпочитал размеренность, тишину и стабильность. У него попросту не хватало сил участвовать в безумствах Цзыцюня. Их сблизил взаимный талант и с полуслова понятная сыгранность, но разбилось все о быт и разницу характеров.

Игнорируя бывшего, Цзюньсянь отвернулся. «А бульон и впрямь пахнет на славу, — подумал он. — Где только Мэн Гэ его добыл? Заботливый парень».

Посмотрев на молча уплетающего обед Цзи Чэна, продюсер усмехнулся:

— Завидуешь?

Цзи Чэн обомлел.

Он просто ляпнул первое, что пришло в голову, а кумир решил, что он слюнки роняет! На самом деле ему было абсолютно все равно, чем питаться, лишь бы набить желудок — за долгие годы он привык к скромности.

— Вовсе нет, просто пахнет вкусно, — с горящими ушами буркнул Цзи Чэн.

Цзюньсянь понимающе кивнул, не став настаивать. Впрочем, подумав о том, что парень уже несколько дней сидит на сухом пайке из ланч-боксов, да еще и при такой дикой рабочей нагрузке, продюсер решил, что плотный и вкусный ужин ему точно не помешает.

— Давай так: если сегодня во второй половине дня все пройдет гладко и мы освободимся пораньше, вечером я отвезу тебя в хороший ресторан.

Поединать вместе! Сердце Цзи Чэна заколотилось. Дело было даже не в изысканной еде: за все эти дни заповедного съемочного ритма просто вырваться куда-нибудь вдвоем с Лу Цзюньсянем уже казалось пределом мечтаний.

От захлестнувшего восторга парень замешкался с ответом. Решив, что тот стесняется или опять переживает из-за денег, Цзюньсянь спешно добавил:

— Я сам уже колом встал от этих коробок, хочется нормальной еды. К тому же в последние дни из-за ночных бдений организм совсем выдохся, надо восстановить силы.

Услышав, что Лу Цзюньсяню нужно восстановить силы, Цзи Чэн закивал как заведенный:

— Хорошо! Я буду стараться изо всех сил!

Лу Цзюньсянь тихо усмехнулся, думая про себя, что наладить контакт с Цзи Чэном становится все проще и проще.

Доев обед, Цзюньсянь вытер губы салфеткой и протянул еще одну парню. Тот принялся с невероятным усердием тереть рот — раз за разом.

— Ты чего это?

Цзи Чэн глянул на него и, смущенно кашлянув, пробормотал:

— Стираю утренний гигиенический бальзам. На нем остался тональный крем актрисы.

Цзюньсянь не удержался и от души расхохотался. Ну что за чудак!

— Ладно-ладно, ты уже до дыр все стер, — со смехом остановил он его.

Цзи Чэн кивнул, бросил смятую салфетку в пустую коробку, и его уши снова налились пунцовым цветом.

Цзюньсянь не успел уяснить причину новой вспышки смущения, как парень подтянул к себе Маомао и, уткнувшись пальцами в собачью шерсть, вполголоса спросил:

— А можно... нанести ваш бальзам еще раз?

«Ну надо же, неужто он влюбился в мою гигиеничку? Она что, дает ему чувство безопасности?» — Лу Цзюньсянь еле сдержал улыбку. Отказать в такой безобидной просьбе он, разумеется, не мог, а потому достал тюбик и сам аккуратно провел им по губам парня.

Цзи Чэн затаил дыхание; казалось, губы у него дрожат.

Перед глазами вспыхнула недавняя сцена с целующимися Юй Цзыцюнем и Мэн Гэ. Ощущая, как мягкий бальзам скользит по губам, парень почувствовал, как уши запылали настоящим огнем.

Цзюньсянь, не заметив его состояния, закончил и с улыбкой напутствовал:

— Ты смотри, не вздумай стирать губы с таким видом на глазах у партнерши. А то решит, что она тебе отвратительна.

— Вовсе нет, просто я не привык, — поспешно возразил Цзи Чэн.

— Ни разу не влюблялся, что ли? — как бы между прочим поинтересовался Цзюньсянь.

Обняв собаку, Цзи Чэн тихо произнес:

— Нет. Учеба, подработки... Жизнь была слишком тяжелой. Не было ни времени, ни возможностей. Если нечего дать человеку, разве можно заводить отношения?

Слушая его, Лу Цзюньсянь снова ощутил укол щемящей жалости. Сочувственно погладив парня по голове, он произнес:

— Ответственность — это замечательное качество, Цзи Чэн. Все обязательно наладится. Ты ведь уже сейчас такой молодец, прекрасно играешь! Появятся и возможности, и деньги — и тогда ты сможешь без оглядки влюбиться по-настоящему.

— Я не знаю, каково это — любить, — качнул головой Цзи Чэн. Ощукая на макушке теплую ладонь, он тоже погладил Маомао по шерстке и тихо добавил: — Я никого никогда не любил. Кроме семьи, мне нравишься только ты.

«Только ты...»

Сердце Лу Цзюньсяня на мгновение замерло. Чуть было не попался на удочку!

Если бы он не знал твердо, что парень — убежденный гетеросексуал, и если бы не видел, с каким священным ужасом тот только что смотрел на поцелуй двух мужчин, он бы точно принял эти искренние слова за признание.

Сам же Цзи Чэн вовсе не посчитал свою фразу чем-то из ряда вон выходящим. Он вздохнул:

— Ваши книги поддерживали меня все эти годы. Я иногда смотрел шоу с вашим участием и понимал: вы именно такой, каким я вас себе представлял. Вы словно ангел. И сейчас я думаю точно так же.

Лу Цзюньсянь мягко улыбнулся и с ласковым смешком погладил его по волосам:

— Я говорил совсем про другую любовь. Вот встретишь своего человека — и сразу все поймешь.

Цзи Чэн посмотрел на него, кивнул, но все же упорствовал:

— Все равно это любовь.

Лу Цзюньсянь с улыбкой качнул головой, не став спорить.

Хоть они и говорили полупшепотом, сидевшие в глубине шатра слышали каждое слово.

Юй Цзыцюнь тихонько фыркнул, думая про себя: «Ушлый мальчишка! Нарочно же подкатывает! И ведь как тонко работает!»

Видя, что режиссер снова заводится, Мэн Гэ вставил ему в губы сигарету:

— Закуришь от одиночества?

— Ну уж нет, дорогой, это не одиночество, это любовь. Твоя любовь, — хохотнул Цзыцюнь, прикурил, затянулся и прильнул к губам Мэн Гэ, выдыхая дым прямо ему в рот.

Втянув дым, Мэн Гэ слегка оттолкнул его и выдохнул ровное, идеальное колечко.

— Ого, умеешь, — восхитился Юй Цзыцюнь и кивнул на выход: — Угости их тоже, пусть побалуются.

Мэн Гэ поднялся и с пачкой сигарет подошел к двери:

— Учитель Лу, Цзи Чэн, угощайтесь.

Протянув пачку, он поймал взгляд Цзюньсяня. Лу Цзюньсянь посмотрел на курящего Цзыцюня и принял сигарету.

Вредная привычка бывшего: когда курил сам, всегда навязывал табак окружающим — мол, не обязательно затягиваться, можно просто подержать в руках...

Увидев, что продюсер взял сигарету, Цзи Чэн проглотил готовое свалиться с языка «я не курю» и тоже молча вытянул одну.

«Если Учитель Лу курит, я не должен показывать, что мне это не нравится», — твердо решил парень.

Мини-театр

Лу Цзюньсянь: Ты просто восхищаешься мной как кумиром, это совсем не то, о чем я говорю.
(поглаживает по голове)

Цзи Чэн: Да какая разница? Как бы это ни называлось, мне нравишься именно ты. (упрямо
смотрит в глаза)

Лу Цзюньсянь: И почему я окончательно запутался?.. (впал в глубокие раздумья)

<http://bllate.org/book/20688/2162702>